

Михаил Тяглый

«Цыганский вопрос» в идеологии и практике украинского национального движения во время Второй мировой войны

В последние годы в историографии Холокоста и в смежном с ней публичном пространстве все больше обсуждаются вопросы реакций местного населения на оккупированных территориях Украины на преследования евреев. Особенно это касается проблематики восприятия «еврейского вопроса» деятелями разных течений ОУН и затем УПА, их взглядов и решений о роли и месте еврейского населения в планировавшемся ими национальном проекте и соответствующих шагов для реализации этих представлений на практике. Такие дискуссии, в отличие от аналогичных в других восточноевропейских странах, пока еще нельзя назвать интенсивными, но сегодняшняя тенденция демонстрирует их постепенную активизацию. Вместе с тем, если вспомнить о судьбе другой группы жертв национал-социалистического режима – цыган, – положение которых во время господства нацизма было в значительной мере схожим с положением евреев, то становится очевидным, что относительно ромского меньшинства такие вопросы являются актуальными и крайне малоисследованными.

Эти вопросы, на первый взгляд, кажутся второстепенными по сравнению с изучением намерений и действий главного исполнителя экстерминационных акций – нацистских карательных структур. Очевидно, что в контексте оккупационной политики и установления политического управления на захваченных территориях именно немецкие и румынские карательные органы ответственны за массовые уничтожения мирных жителей и «особое обращение» с теми категориями населения, которые считались «расово» враждебными или потенциально опасными для «нового порядка». В то же время, бесспорным фактом является то, что какие бы меры в отношении цыган ни планировали и осуществляли оккупационные власти, они не реализовывались в вакууме, с участием в этом процессе только двух сторон: «исполнитель» – «жертва». Поскольку оккупационные власти не всегда и не повсюду полностью контролировали ситуацию, действия относительно преследовавшихся групп совершали не только оккупанты, но и различные коллективные или индивидуальные акторы, формально не связанные с органами власти. Что касается позиции по «ромскому вопросу» коллективных социальных акторов, которые действовали на украинских землях в период оккупации, то прежде всего необходимо обратить внимание на действия двух влиятельнейших сил – Организации украинских националистов (ОУН) и затем Украинской по-

встанческой армии (УПА), с одной стороны, и советского партизанского движения – с другой.

Итак, занимал ли «цыганский вопрос» какое-то заметное место в идеологических установках и военно-политической практике украинских националистов, и если так, то способствовало ли это выживанию ромов, которых нацистский оккупационный режим подвергал преследованию и уничтожению? Рассмотрим вначале идеологическую и политико-пропагандистскую плоскость восприятия «цыганского вопроса» ОУН и УПА. Что касается ОУН, то можно заметить, что в видении будущего устройства Украинского государства среди идеологов и практиков украинского национализма «цыганский вопрос» не занимал заметного места – до тех пор, пока он не начал граничить с представлениями о порядке и социальной упорядоченности общества. Другими словами, этническое измерение этого вопроса само по себе не играло никакой роли и не привлекало внимания авторов украинского проекта, если речь шла об оседлых ромах, интегрированных в социальную структуру общества. Другое восприятие вызывали кочевые ромы – те, которые не отвечали критериям полезных членов общества, якобы угрожая его порядку и стабильному устройству. Такие группы расценивались как имеющие преступный характер и потому требовавшие контроля со стороны государственного аппарата.

Примером такого отношения является проект *Предложения ОУН (А. Мельника) к структуре и компетенции министерств будущего Украинского государства*, который был подготовлен не позже 22 июня 1941 г. К компетенции будущего Министерства внутренних дел автор предлагал отнести «вопрос бродячих цыган и людей без определенных занятий», который соседствовал с «сотрудничеством в деле домов принудительных работ и колоний для малолетних преступников»¹. Такой подход свидетельствовал о готовности отождествлять в юридической плоскости кочевых ромов с криминальными слоями общества и применять этнический принцип идентификации вместо социального при решении проблем, связанных с преступностью. Очевидно, что при этом многочисленные таборы кочевых ромов попадали в категорию коллективного преступника. Такой же подход к решению проблем предупреждения преступности демонстрирует *Общая инструкция Службы безопасности ОУН (С. Бандеры)*, которая появилась ориентировочно в 1941 г.: для успешного проведения облав служащим милиции рекомендовалось тщательно изучить территорию, на которой происходила облава, и в частности, «знать... те места, где происходит нелегальная продажа водки, те дома, где ночуют цыгане, бродяги и т.д., жилье политически подозреваемых лиц... и т.д.»².

Хоть и не столь заметно как «еврейский», «цыганский вопрос» тоже занимал определенное место в националистической пропаганде времен войны. В пропа-

¹ ОУН в 1941 році: документи. В 2-х чч. Ч. 1 / Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; відп. ред. С. Кульчицький. К., 2006. С. 233.

² Там же. С. 593.

гандистской литературе, адресованной бойцам УПА или мирному населению, ромы фигурировали как одна из групп, которые считались вредоносными, лишними и такими, от которых следовало избавиться. Одна из листовок ОУН, обращенных к красноармейцам, призывала последних не воевать за «жидов, цыган и прочую сволочь»³. В августе 1943 г. в обращении Главного командования УПА к украинцам Холмщины и Подляшья отмечалось, что «для уничтожения украинского народа исконный враг Украины, Москва, шлет ватаги цыган, москалей, жидов и другой сволочи – так называемых "красных партизан"»⁴. В *Материалах политической подготовки* В. Юрьева⁵ приведено обращение штаба группы УПА «Туров» к украинцам Полесья начала 1944 г., которое также изображает исторические и современные вызовы времени глазами тех, кто стремился к построению украинской государственности на основах моноэтничного национализма: «И идут приспешники целыми ордами на Украину – жида, татары, цыгане и всякое другое отребье. И снова обещают они грушки на вербе, "все будет, все дадим, вы сдайтесь только под наше покровительство"»⁶.

В какой мере такое отношение к цыганам не только распространялось на уровне распоряжений и пропагандистских документов, но и определяло повседневные действия по отношению к ним? Исследователь Н. Бессонов приводит соответствующие примеры из многочисленных интервью с цыганами, которые пережили преследования. Он сравнивает отражение в цыганской исторической памяти образов украинских националистов и советских партизан: «Если советские партизаны воспринимались как братья и даже среди оккупантов ромы вспоминают "добрых немцев", то для бандеровцев не осталось не одного доброго слова... Бандеровцы для ромов – это бандиты, которые уничтожали мирное население, то есть поляков, евреев, русских и, конечно же, кочевые табора. О случаях, когда дело ограничилось насилием, оскорблениями и побоями, бывшие кочевники вспоминают как о большом везении»⁷. Н. Бессонов также приводит воспоминания польских ромов, зафиксированных в 1949 г. Ежи Фицовским, о жестоких преследованиях ромов на Волыни украинскими националистами⁸.

Согласно свидетельствам цыган, которые собрали Е. Фицовский, Н. Бессонов, а также свидетельствам украинских цыган, записанных Институтом визуальной истории Фонда ШОА (USC Shoah Foundation Institute) и другим источникам, пик

³ Центральний державний архів громадський об'єднань України (далее – ЦДАГОУ), ф. 57, оп. 4, спр. 370, арк. 3зв.

⁴ Сергійчук В. ОУН-УПА в роки війни: нові документи і матеріали. К., 1996. С. 366 – со ссылкой на: Центральний державний архів вищих органів влади України (далее – ЦДАВОУ), ф. 3833, оп. 1, спр. 86, арк. 25-26.

⁵ Віктор Юрій – псевдочлен Провода ОУН, заступитель Главы генерального секретариата УГВР, подполковник УПА Осипа Дякива-«Горнового».

⁶ Літопис УПА: нова серія. Т. 17. К., Торонто, 2011. С. 183.

⁷ Бессонов Н. Цыгане СССР в оккупации: стратегии выживания // Голокост і сучасність: студії в Україні і світі. 2009. № 2(6). С. 49.

⁸ Там же. С. 49-50. Бессонов ссылается на: Ficowski J. Cyganie Polscy. Warszawa, 1953. P. 219-223.

гонений на ромов со стороны украинских националистов приходится на 1943 г., прежде всего на Волыни, где УПА начала партизанские действия против немецких и советских сил и этническую чистку местного польского населения. Рассказывая об антипольских и антиеврейских действиях УПА, бывший боец УПА вспоминал о том, что осенью 1943 г. националисты под руководством А. Шкытака устроили нападение на цыганский хутор, расположенный поблизости от сел Плоское и Галовка на Старосамборщине. «Оуновцы на куски порубили всех цыган, которых им удалось захватить», – свидетельствовал он⁹.

Почему в такой ситуации ромы стали объектом преследования со стороны по крайней мере части украинских националистов? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости восприятия цыган участниками украинского национального движения. Вместе с идеологически-пропагандистским взглядом на цыган как инородную этническую составляющую, которая мешала созданию однородного украинского пространства и развитию государственности на этой основе, еще одной причиной было то, что на тот момент многие цыгане искали и уже нашли убежище в советских партизанских отрядах. Во внутренней документации украинских повстанческих формирований есть множество подтверждений, что среди воинов на противоположной стороне фигурирует немало цыган.

Например, в очерке Владимира Макара *Северо-западные украинские земли. Вооруженная самооборона украинского народа* (компиляции сообщений политической референтуры Службы безопасности (далее – СБ) ОУН и информативно-разведывательной службы УПА на Волыни и Полесье), датированном концом мая или началом июня 1943, указано, что «...большевицкое партизанское движение уже в 1942 году овладела всецело Полесьем и северной лесной полосой Волыни. ... Их ряды постоянно пополнялись красными парашютистами – москoviтами, белорусами, беглецами поляками, евреями и цыганами, а ко времени отступления УПА еще и украинцами из сожженных сел и насильно мобилизованными крестьянами»¹⁰. Дальнейшие воспоминания о нахождении цыган в рядах противника можно найти в многочисленных отчетах, представленных различными отрядами УПА, подразделениями СБ ОУН, политическими отделами ОУН. Рассмотрим несколько фрагментов из этих документов:

⁹ Yad Vashem Archives, O. 32, file 112, page 13 (Заявление Я.И. Шпитала от 31 января 1964 г.).

¹⁰ Літопис УПА. Т. 5. Волинь і Полісся. Німецька окупація. Кн. 3-тя: спомини учасників / Ред. Є. Штендера. Торонто, 1984. С. 16.

Дата	Название документа	Содержание	Источник
Начало августа 1943 г.	<i>Отчет общественно-политического референта округа о ситуации в местности «Болото» (Пиньская округа)</i>	«[...] Национальный состав красных партизан очень разный. Там есть кацапы, цыгане, поляки, белорусы, узбеки, есть и украинцы, в большинстве из восточных областей и бывшие коммунистические активисты. Наибольшие их подвиги – это подрывы железных дорог, ликвидация украинского освободительного элемента, грабеж населения, насилие...»	Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 256 (ЦДАВОУ, ф. 3833, оп. 1, спр. 128, арк. 3-4)
Начало сентября 1943 г.	<i>Обзор общественно-политических событий, составленный проводником Луцкого округа. Общественно-политический обзор Луцкого округа</i>	«12.8 в Рожищенском районе, в окрестностях сел Богушовка, Трилесцы (Прилесное), Колония Эмилин появились большевистские парашютисты. В ту самую ночь подорвали железную дорогу...Красные партизаны насильно проводят мобилизация на северных территориях. В их состав входят евреи, белорусы, ляхи, цыгане, москали и т.п. сброд.»	Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 98 (ЦДАВОУ, ф. 3833, оп. 1, спр. 125, арк. 6-10)
15 октября 1943 г.	<i>Отчет о деятельности Службы безопасности за время от 15\9 до 15\10 1943 г.</i>	«Раздел 3. Сила врагов и их тактика в борьбе с нашим движением. [...] В красном партизанском движении нашли убежище все политически преследуемые немцами или украинцами, такие как поляки, евреи, казаки, цыгане и т.д.»	Літопис УПА: нова серія. Т. 2. К., Торонто, 1999. С. 309 (ЦДАВОУ, ф. 3838, оп. 1, спр. 55, арк. 1-5)
3 декабря 1943 г.	<i>Отчет политического референта надрайона об организационной деятельности [Ровенский] надрайон 3/3</i>	«Красные. Партизанское движение действует в Александровском районе: с. Метков, Рубное и С[уск]. В состав входят: коммунисты, украинцы (местное население), поляки, евреи и цыгане. Задача – как можно больше уничтожить людей. К полякам относятся благосклонно. Ведут пропаганду о скором приходе большевиков»	Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 693 (ЦДАВОУ, ф. 3838, оп. 1, спр. 51, арк. 43-44)
Декабрь 1943 г.	<i>Хроника о деятельности ОУНовских боевых групп на Столицине ВО «Заграва», Столицина</i>	«№ 50. В с. Березичи собрались цыгане, евреи и всякие другие недобитки, где организуются и выезжают в села грабить»	Літопис УПА: нова серія. Т. 14. К., Торонто, 2010. С. 456 (ЦДАВОУ, ф. 3838, оп. 1, спр. 51, арк. 43-44)

На основе этих отчетов можно предположить, что негативный устоявшийся взгляд украинских повстанцев на цыган как на нежелательный элемент во время активных боевых действий усугублялся еще и фактом наличия цыган в рядах их противников. В этом, в частности, заключался трагический замкнутый круг положения цыган и их стратегии выживания в то время: искать защиты в рядах националистического партизанского движения они не могли из-за стремления последнего к этнической гомогенизации пространства, поэтому шли к советским партизанам – и находясь в отрядах последних, все больше ассоциировались в глазах украинских националистов с врагами их борьбы. Известны лишь отдельные исключения. Например, на территории подполья УПА на Волыни о ромах было упомянуто в отчете политического референта Цуманского района от 24 октября 1943 г., где среди национальных меньшинств, вероятно, цыган было больше всех – около 50 человек. Автор отчета обрисовал ситуацию нейтральных отношений между повстанческим движением и цыганским населением: «Цыгане заявляют, у нас и власти – [цели] не расходятся (из цыгана комиссара не будет), нам "лишь бы жить"»¹¹.

В дополнение отметим, что при рассмотрении этого вопроса следует учитывать не только политико-идеологические установки и представления военного времени, но и существовавшие внутри националистической среды сложившиеся на протяжении последних столетий и унаследованные традиционной культурой стереотипные представления о цыганах. Известно, что предубеждения, существующие у одной группы относительно другой, в период стабильного и мирного сосуществования не влияют принципиально на взаимоотношения, оставаясь лишь латентными представлениями. Однако в экстремальных условиях эти преобладающие в спящем режиме предрассудки могут активизироваться и повлиять негативно на динамику взаимоотношений между группами и индивидами, дополнительно способствуя эскалации насилия.

В украинском фольклоре и литературе XIX – 1-й трети XX вв. есть множество примеров изображения цыган. Отдельных исследований коллективных представлений о ромах в украинском культурном пространстве нет, поэтому охарактеризуем некоторые доступные нам фрагменты, принадлежавшие самим представителям украинского националистического движения. Таких свидетельств немного, но все же иногда они встречаются в воспоминаниях бывших членов ОУН и бойцов УПА. Крайне колоритное и информативное свидетельство оставил бывший воин УПА Иван Лыко, который в воспоминаниях *На грани мечты и действительности* описывал, в частности, как он вдруг понял, что семья, которая при-

¹¹ Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 188. См. также: Стародубець Г. М. Міжнародні відносини в рамках повстанського заплілля в 1943 році // Історичні уроки Голокосту та міжнародні відносини: матеріали міжнародної науково-практичної конференції для викладачів та студентів (Житомир, 23-24 жовтня 2009 р.). Дніпропетровськ, 2010. С. 284 – со ссылкой на: Державний архів Рівненської області (далі – ДАРО), ф. Р-30, оп. 2, спр. 39, арк. 136-144.

нимала его за ужином в своей хате в галицком селе, – цыганская: «Двери открыла мать девушки, типичная цыганка, а ее брат, который тогда находился в комнате, своим внешним видом убедил меня, что я попал в цыганскую семью. Предубеждения к цыганской расе с детства, когда ты не раз слышал от старших людей, что цыгане – злодеи, питающиеся мясом дохлых зверей, которых выкапывают из земли, порой в подгнившем состоянии, потрясли меня. Мать подала закуску – колбасу, сало, кулич и четверть литра самогона. Чарку я опрокинул без раздумий, но когда стал закусывать салом, мне казалось, что оно “растет у меня во рту”. Извиняясь перед хозяйкой и девушкой за аппетит тем, что только встал из-за стола, в голове пробовал найти идею, чтобы “выйти из ситуации”. ...На счастье, я увидел Бурого, который подходил на пригорок к цыганской хате, а когда он зашел в хату и сказал, что боевая группа отходит из села, у меня не иначе как тяжелый камень с плеч упал. Поблагодарив хозяйку за гостеприимство, на прощание поцеловал молодую цыганочку, которой пообещал, что постараюсь ее навестить и побыть с ней дольше в следующий раз»¹².

Этот отрывок в частности демонстрирует, что представления автора разделяло общество, к которому он принадлежал. Отдельный небольшой подраздел посвятил цыганам в своих воспоминаниях *На грани двух миров* бывший участник партизанского движения Мыкола Терепенко. Он также описывает, как пожаловал с товарищами в хату к цыганской семье в Словакии и их пригласили к ужину: «Я смотрю, она (цыганская хозяйка. – М. Т.) выливает воду с картошки, которая уже сварилась и сыплет из большого горшка в большую миску (в которой литров 10). ...Все взялись за совместную трапезу. Я делаю так же, как и они, меня судьба всему научила, только мой товарищ за ложку не берется и не ест. Старая цыганка смотрит на него, говорит: “Ешьте, господин. Я знаю, почему вы не едите, – говорит она, – ибо все время все говорят, что мы едим падаль, а это неправда. Посмотрите, какое хорошее мясо. Мы его купили у соседа..., оно вполне хорошее”. Но мой товарищ не ел. Сказал, что он не голодный, а я ел, хотя про себя думал, что, может, эта корова сдохла. Черт побери! Если они не помрут, то почему я должен? После супа и картошки цыганка подала мясо, по большой порции. Я все это съел. Когда они завершили ужин, все повставали, и мы тоже. Я хозяйку поблагодарил и похвалил ее, что она хорошо готовит, но она выглядела недовольной, потому что мой товарищ не ел. Мы вдвоем поблагодарили ее и пошли, и хотя я и думал, что в моем животе начнется “революция”, но ничего подобного не произошло. После этого ужина мне было и немного смешно. Думал я над тем, что такие бедные люди, цыгане, но при этом человечные и гостеприимные»¹³.

Разумеется, прямую линию между вышеописанными предрассудками, бытовавшими в коллективном сознании, и случаями преследований ромов украинскими националистами проводить нельзя. Реальность была намного сложнее. В

¹² Лико І. На грані мрії і дійсності (спогади підпільника) // Літопис УПА. Т. 37. Торонто, 2002. С. 178.

¹³ Терепенко М. На грані двох світів (спогади) // Там же. С. 509.

этих фрагментах воспоминаний речь не идет о враждебном отношении бойцов УПА к тем, в чьих домах они гостили. Но необходимо обратить внимание, что в этих случаях речь идет о ромах оседлых, которые были неотъемлемой частью сельского пространства того времени. Что касается кочевых ромов, то в глазах партизан они представляли собой другой образ. Существовавшая тенденция негативного восприятия не могла не повлиять на практические действия по отношению к ним в реальной ситуации, когда воины УПА встречались с таборами цыган-кочевников на лесных тропах. Выше упоминалось, что украинские националисты знали о широком участии цыган в советских партизанских отрядах. К этому следует добавить еще одно важное представление, которым руководствовалось любое военизированное формирование в отношении к кочевым цыганам в военные времена, а именно убежденность в будто бы шпионских способностях или задачах табора. Конечно, сочетание всех этих обстоятельств приводило во многих случаях к физической расправе националистических партизан над цыганами.

Естественно, из источников ОУН и УПА о таких случаях узнать невозможно. Как исключение можно привести следующий пример. Тот же Иван Лыко в своих мемуарах вспоминает, что в 1946 г. районный проводник под псевдонимом «Чернота» убеждал его в необходимости ликвидировать цыганскую семью из шести человек в одном из сел Галиции, потому что один из членов семьи будто бы был «доносчиком». И. Лыко отказался, а на следующий день узнал, что всю семью по приказу Черноты убили¹⁴. О том, что цыгане наряду с другими «инородцами» подлежали уничтожению СБ ОУН, свидетельствовал на допросе в 1944 г. И. Яворский, который был комендантом СБ Млыновского района Ровенской области¹⁵. Вот еще один эпизод, иллюстрирующий логику убийства цыган служащими СБ ОУН. Бывший комендант подрайона № 67 (на Волыни) Л.Э. Кульчинский под псевдонимом «Явир» свидетельствовал в 1944 г. советским органам, что на его территории (село Новомалин около Острога) в августе 1943 г. появилась группа цыган. Он предоставил им хату, участок земли и семена для ведения хозяйства, но в октябре из районного центра приехала группа бойцов СБ ОУН и убила этих цыган. Явир написал об этом коменданту района и получил ответ, что цыгане были убиты как «ненадежные элементы»¹⁶.

Подводя итоги, отметим: попытки изучить судьбу цыган на территории оккупированной Украины, как и в других регионах, не могут ограничиваться иссле-

¹⁴ Лыко І. На грані мрії і дійсності (спогади підпільника). Торонто, 2002. Т. 37. С. 214-215. Показательно, что в ходе 27-го пленарного заседания Издательского комитета *Літописи УПА* в июне 2003 г. И. Лыка упрекали в том, что он включил в свои воспоминания сюжеты о цыганах и о других событиях «без необходимости», на что автор ответил, что «писал только правду. У нас водится, что во всех воспоминаниях повстанцы описываются как самые святые люди, а в действительности это не всегда было так» (см.: *Літопис УПА*. Т. 42. Торонто, 2003. С. 443). Это воспоминание свидетельствует о стремлении как минимум части диаспоры реализовать селективный принцип саморепрезентации.

¹⁵ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: документы. В 2 тт. Т. 2: 1944-1945 / Под ред. А.Н. Артизова. М., 2012. С. 174.

¹⁶ Архів УСБУ в Рівненській області, ф. 4, спр. № 897, арк. 22.

дованием лишь действий немецкой или румынской оккупационной власти. Нецыганское местное население играло в них значительную, а порой решающую роль. Но при рассмотрении этого важного при изучении любого геноцидного явления аспекта необходимо принимать во внимание как разнообразие групп и слоев общества, которых мы обобщаем под категорией «местное население», так и множество факторов, которыми каждый из них руководствовался, когда сталкивался с «цыганским вопросом» в какой-то момент оккупационной реальности.

Одну из групп этих факторов можно отнести к идеологическим, другую – к социальным, третью условно назовем «фольклорно-бытовой», поскольку она коренилась в распространенных массовых представлениях о цыганах. Анализ того незначительного элемента идеологии и пропаганды украинских националистов, который касался цыган, свидетельствует, что «цыганский вопрос» не занимал в них какого-то заметного места – однако приобретал существенную роль тогда, когда начинал противоречить их представлениям о будущем социальном устройстве и порядке, который, наряду с другими преступниками, якобы ставили под угрозу кочевые ромы. К этому следует добавить представление об опасности, которую якобы представляли кочевые цыгане для националистических партизанских отрядов, а также попытки ромов найти убежище и спасение в рядах советских партизан. Ситуация усложнялась распространенными на уровне фольклорно-бытовой культуры представлениями, которые никак не способствовали благосклонному отношению к таборам. Все это приводило к вспышкам насилия со стороны националистичных отрядов, прежде всего по отношению к кочевым группам ромов, но в некоторых случаях – и к оседлым ромам, жителям сел, по простой причине – они были «цыганами», а значит, в глазах комбатантов – тоже потенциальным источником небезопасности и носителями тех «нежелательных» качеств, от которых следовало избавляться.